

Татьяна Щепкина-Куперник.

I. Сказки Мариок.

Тихий, теплый, ароматный
Ароматный ветерок,
Стройных сосен шум невнятный...

Это – сказки Мариок.

Гладь лазурного залива
И светла, и молчалива,
Купол неба так высок...
Море, с небом сливши краски,
Точно дремлют, полны ласки...
Я не знаю лучше сказки

Тихой сказки Мариок.

Первый куст цветов подснежных,
А над ним на крыльях нежных
Вьется белый мотылек,
Сотни птиц... В их стройном звоне
Целый мир лесных симфоний.

Это – сказки Мариок.

Здесь – приют моих мечтаний,
Поэтических скитаний;
Парк тенистый так широк;
И люблю я с грустью сладкой
В нем подслушивать украдкой
Эти сказки Мариок.

II. Май.

Облака.

Золотых облаков, точно птиц золотых
Потянулась над лесом воздушная стая,
И по бледной лазури несется, блистая,
Летний вечер прозрачен и тих.
Мою душу влечет к золотым облакам,
Посмотри, что за праздник для глаз!
Верно, высится там
Чудный сказочный храм,
Блещет в нем и янтарь, и топаз.
Вот мерцает рубин, вон алеет берил...
О. как ярко их солнечный луч озарил!
Там отворена райская дверь.
Словно сказочный город встает так в дали,
Все сверкает, горит в золотистой пыли,
В золотых облаках – как красиво теперь.
Миг – и нет и, растаяв, исчезли, как дым,
По вечернему небу скользя.
Золотым облакам, как мечтам золотым –
Доверяться нельзя...

Молчание.

Облаков бледно-алых полет в вышине,
И потом, в голубой тишине
Золотая дорога по морю к луне –
Все о счастье поет, говорит о весне,

И так чудно, и сладко так мне.

Говорят, где-то там, далеко на земле,
Бродят люди с печатью тоски на челе,
Слезы жгут им глаза, но страданья кляня,
Без страданий прекрасных и полных огня
Не могли бы прожить они дня.
Я страданий боюсь, я любви не хочу,
Я к далекому небу мечтою лечу.
И душа моя небу верна.

И чиста, холодна,
Как морская волна,
Как лазури ночной глубина.

Ландыш.

Ландыш белый, ландыш чистый,
Я в лесной тени живу.
И весною нежным звоном
На молитву всех зову.
Пчелы, бабочки, стрекозы,
Мотыльки – со всех сторон
Все летят воздушным роем
На серебряный мой звон.
И собираемся мы вместе
В предвечерней тишине
И поем от сердца славу
Небу, солнцу и весне.

Белая ночь.

Эта ночь не похожа на ночь:
Это - день, утомленный без сна.
В бледно-розовом небе встает
Только призрак луны – не луна.
И скользит мимо полной луны
Облаков голубая гряда...
Так скользят мимолетные сны,
Исчезая вдали без следа
Тишина... Тишина... Тишина...
Самый воздух загадочно нем.
И как будто бы тихо дрожат
В нем слова позабытых поэм.

Нарцисс.

Цветок мой, расцветший в тени,
Мой белый, прелестный, непрочный, -
Живу я последние дни
Твоей чистотой непорочной.
Но знаю – цветы не грустят
О тех, кто вдыхает случайно
Их легкий и сладкий, как тайна,
Их нежный, как сок, аромат.
Судьбы повеленью послушны,
Прерву своей радости нить...
А ты – как и мне равнодушно
Другим будешь запах воздушный

И тонкую прелесть дарить.

III. Июнь.

Весна уходит.

Слаще запах сиреней и клевера...
Ты уходишь, о, белая ночь,
 Угрюмого Севера
 Нежная дочь
Небо рдеет еще позолотою,
Но темнеет таинственно сад...
Ты уходишь от нас с неохотою,
Обратив свои взоры назад.
И влекутся одежд твоих складки,
Зацепляясь за ветви кустов...
Для тебя еще милы и сладки
Ароматы июньских цветов...
Но спускается тьма нежеланная,
И уходишь ты медленно прочь
 Волшебница странная,
 Белая ночь!

Серенада.

Лунный столб померк на воде,
Голубеет гладь залива,
Ночь уходит молчаливо...
 Где ты... где?
Точно сетью чудной пряжи,
Серебром весь мир обвит;
Ночи северной миражи
Воздух трепетный таит.
Ранней утренней звезде,
Полосе востока алой –
Шлю вопрос в тоске усталой:
 Где ты... где?
Меркнет лунная дорога,
Луч разбился – нет его;
В душу крадется тревога,
Лунной ночи колдовство.
Мир не спит и внимлет чутко:
Быть ли счастьем иль беде?...
Сердцу странно... сердцу жутко...
 Где ты... где?

Тишина.

Из тихих вод таинственного лона,
Что в сказочный покой погружены,
Из тихих вод, из глуби небосклона,
Является богиня тишины.
Прижавши перст к устам своим с улыбкой,
Склоняет взор на воды и поля;
И не колеблет ветер влаги зыбкой,
И воздух спит, листом не шевеля.
Молчат цветы; но каждый служит урной
Для дорогой жемчужины – росы;

И запах их сильнее в те часы – В часы волшебства тишины лазурной.

В полях.

Я бродила в полях..., а кругом тишина
Свои сладкие сети плела.
И чуть-чуть мне касался волос ветерок,
Точно ласковым взмахом крыла.
И узорным ковром – самотканым ковром –
Расстилалась цветов полоса.
Аромат свой медвяный сливали в одно
Алый клевер и тмин кружевной;
Испаренья земли и дыхания трав
Поднимались душистой волной.
Пробежал ветерок по цветущим полям,
Стебли шелковых трав шевеля,
И лилось щебетанье невидимых птиц,
Будто пели, звенели поля.
Я мятежною грудью припала к земле,
И душа моя стала светла...
А кругом тишина, точно нежная мать,
Надо мной свои сети плела.

IV. Июль.

Кампанулы.

Пышноцветный закат уж отвянул:
Сонных роз тяжелей аромат...
Колокольчики белых кампанул
В час вечерний молитву творят.
Неподвижно стоят, величавы,
Узколистой осоки стебли:
Но душистые тонкие травы
Клонят кисти свои до земли.
Тихо молятся, полны печали,
Чтоб Господь свою руку простер
И над той, чьи шаги попирали
В летний полдень их свежий ковер.
И над той, что срывала сегодня
Тех, кто ярче и радостней всех...
Чтобы милость и благодать Господня
Ей простила невольный тот грех.
Летний вечер в безбрежности канул...
Ночь спустилась на крыльях своих...
Нежный благовест белых кампанул
Отзвенел, отзвучал и затих.

Полдень.

Истомленное ласками жгучих лучей,
Неподвижное – замерло море.
Горячей, горячей
Отражается солнце в блестящем просторе.
С раскаленного неба спускается зной,
Словно вкрадчивой неги истома немая.
Тишиной, тишиной
Побледневшую гладь обнимая.

Точно нет уже сил, нет дыханья в груди,
Отливают горячие краски...
Пощади, пощади!
Больше морю не вынести ласки.

Маки.

Алые, алые, алые маки
Ярко пылают во ржи.
Глядя на них, я тебя вспоминаю:
Ты это знаешь, скажи?
Так же, как ты, они тонки и хрупки,
Милые эти цветы;
Так же они и нежны, и воздушны,
Так же непрочны, как ты.
Так же их бережно надо касаться
Любящей легкой рукой;
Так же легко дуновением ветра
Сразу смутить их покой.
Так же устало они поникают
Чистой головкой своей,
И загораются так же от ласки
Солнечных теплых лучей.
Так же, как ты, они – странною тайной –
В сердце глубоко таят
Под оболочкой и чистой, и нежной
Смерти таинственный яд.

V. Август.

Розовый час.

Раскинув шатер светозарный свой,
Плывут облака над моей головой.
Вот встретилась туча с тучей,
И бой закипел могучий.
Безмолвный бой!...
Кто победит в вышине голубой?...
Лиловые, алые, желтые тучи
Громоздятся, как горные кручи,
Одна над другой, в пылу борьбы
Свивают и вновь развивают клубы...
Мгновенье – и рой побежденных, усталых –
Исчез, растаял, погас...
Все победила толпа облаков светло-алых –
Настал розовый час.

Осенние розы.

Осенние розы прекрасны – хотя
Цветы их как будто устали.
Без ласки горячих лучей расцветя,
Без солнца оне вырастали.
Осенние розы прекрасны – своей
Красою почти что нездешней,
И запах их тоньше, и краски нежней
Сверкающей роскоши вешней.
В них грустная прелесть прочтенных поэм,

И скорбь обо всем, что мечталось...
Осенние розы прекрасны уж тем,
Что жить им недолго осталось.

Дыханье осени.

Итак, уж розы отцвели, -
Уж ночи белые ушли,
И мрак становится заметней,
Хотя цветник еще богат,
И льет свой тонкий аромат
Цветущий флокс многолетний.
Давно уж хлеб созрел и сжат;
Рядами правильными стоя,
Сноп, как золото, горит –
Все полно мирного покоя.
Но море с каждым днем синей,
Сильнее волны бьют на воле,
И раньше всех – ложатся в поле
Вечерних полосы теней.
Все мягкой лаской грусти веет,
И даль неясно розовеет,
А чистый небосвод глубок
Над стройной башней Мариок.

Светляки.

О, взгляни, как красиво, взгляни! Там и тут
Загорелся и вспыхнул живой изумруд,
Загорелся и вспыхнул, и снова погас –
И зажегся опять, как зеленый алмаз.
Под стеблями зеленых изогнутых трав,
Дорогим самоцветным огнем заиграв,
Озаривши листа прихотливый излом
И опять пропадая во мраке ночном!
Это феи водили здесь, верно, круги,
Да слышали чьи-то чужие шаги,
И поспешно спасаясь под кров темноты,
Разорвали оне об акаций кусты
Дымку легкой, как белый туман, кисей –
И рассыпали здесь ожерелья свои.

Фиалки осенью.

Фиалки осенью, когда отцвел уж сад!
Средь пестрых георгинов и хризантем махровых,
Настурций пламенных – с отрадой видит взгляд
Улыбку милую их лепестков лиловых.
Цветы весенние, прелестные цветы
Так хороши в кругу других цветов бездушном...
А в аромате их и тонком, и воздушном –
Воспоминания и нежные мечты.
Фиалки осенью, и зацветают вновь!
И я стремлюсь душой к утраченному маю,
И осенью души невольно вспоминаю
Фиалку нежную – минувшую любовь.

VI. Сентябрь.

Астры.

Царица-осень к нам пришла
Пышна, красива и светла;
Подкралась к летнему наследью –
Тихонько вянущим кустам –
И бронзой, золотой и медью
Они блеснули тут и там.
На барбарисе, как кораллы,
Повисли гроздья крупны, алы;
Вот тут мазок... и яркий блик...
Горит геранью весь цветник!
Пантеры шкурою пятнистой
Покрыта свежая земля;
Алей встает закат огнистый,
На море свой покров стеля;
Балкона строгие пилястры
Обвиты пурпуром плюща.
Стоят растрепанные астры,
Последней лаской трепеща.
Цветы без неги, аромата, -
Любовь без страстного огня!
Я не любила их когда-то,
Их верной дружбы не ценя.
Теперь понятнее мне стали
Цветы безрадостной мечты,
Цветы таинственной печали –
Мои осенние цветы!...

Осенний свет.

Какая ласковая осень!
Покой мечтательный везде!
Кармин и серебро, и просинь
Играют блестками в воде,
Скользят, мерцают в влаге зыбкой,
Не ярко, нежно, все нежней –
Как бы с усталой улыбкой
Последних их теплых дней.
Прозрачны краски небосвода,
Ясна задумчивая даль...
Какая ширь, простор, свобода –
Какая нежная печаль!
На красный ствол сосны нарядной,
Как стрелы, падают лучи,
Они уже не горячи
Порою осени прохладной.
Пустеет. Ночью огоньки
Уж друг от друга далеки;
И окна ставнями забиты
И - как глаза во сне закрыты!

Земля.

Я люблю эту влажную землю.
Целый мир в тонкой зелени трав

И, к земле головою припав,
Тайной жизни, в ней скрытой, я внемлю.
Молодого листа прихотливый излом,
Спешный бег муравья, трепет тонкой былинки,
Капля свежей росы, что блестит серебром,
И воздушная ткань паутины...
Изумрудный и серый и бархатный мох,
Дымка вереска струек лиловых,
Запах пряных целительный иголок сосновых,
А во мху родника сонный шепот и вздох...
Помню прежде, бездушно ее попирая,
Я небрежно ступала по бедной земле,
С юной, гордой мечтой на челе, -
В небеса я смотрела, искала в них отблеска рая...
Но с годами становишься точно иной,
И к земле пробуждается чувство иное:
Приникаем мы к ней, как к родной,
И мечтаем о сладком покое...
И, смотря на нее, мы себе говорим:
«Ты ведь будешь последним приютом моим,
Ты укроешь меня навсегда и надежно
От всего, что непрочное, и тяжело, и ложно,
Ты забвенье мне дашь, ты мне дашь тишину!»
И люблю я, люблю эту влажную землю
И с отрадой той мысли я внемлю,
Что когда-нибудь в ней отдохну.

В дождь.

Унылое серое небо,
Нахмурились старые сосны,
Как будто в слезах вспоминают
Давно отлетевшие весны.
И плачут и плачут, и плачут –
И с ними я б плакать хотела –
О том, что ушло мое лето,
Что радость его отлетела.

VII. Ноябрь.

На берегу.

Лунной ночью одиноко на пустынном берегу:
Звезды – в небе, жемчуг – в тучах, и алмазы – на снегу.
Все покрыто белоснежной пеленою
Под луною
Белоснежной пеленой.
Только море не застыло, не заснуло, не мертво, -
Леденящим дуновеньем не сковал мороз его.
И волна бежит и плещет за волною
Под луною.
И волна шумит с волной.
Лунной ночью одиноко на пустынном берегу...
Но в душе твой образ нежный я, как жемчуг, берегу.
Отчего ты здесь у моря, не со мною
Под луною,
Отчего ты не со мной?

Нам звучала б песня моря, дивно вторя сердцу в лад.
Я в глаза твои смотрела б, мне сиял бы милый взгляд
Глубиной и тихой лаской неземною...
Под луною,
Тихой лаской неземной.

Закат.

Как дивно реют небеса,
Закатной роскошью блистая,
И пышный пурпур – золотая
Перерастает полоса.
Но над зарей – совсем высоко –
Уж нет ни света, ни теней;
Там ночь темнее и темней –
Там странно, холодно, жестоко.

Еще сияет красота,
Еще глаза блестят порою,
И смех невольною игрою
Румянит яркие уста.
Но там – в душе – совсем глубоко,
Где недоступно для людей –
Там все темнее и темней,
Там странно, холодно, жестоко.

Сосны.

Высокие стройные сосны
Стремятся задумчиво к небу;
Но дунет бушующий вихрь,
Промчится мятежная буря –
И ветви в смятении дрожат,
И клонятся гордые сосны.

Высокие чистые мысли
Стремятся восторженно к небу;
Но дунет всесильная страсть,
Охватит мятежное чувство –
И гордые мысли в смятении,
И падает в бездну душа.

VIII. Январь.

Вечер.

Меж черного бархата сосен
Золотилось закатное небо,
Зеленело, алело и рдело
Подобно камням цветным.
Как тайна, манили куда-то,
Голубея, глубокие дали:
Над прозрачной березовой рощей
Вечерние звезды вставали,
И легко – к облакам золотым,
К серпу луны двурогой –
Своей воздушной дорогой
Поднимался розовый дым,

Поднимался, свиваясь и тая...
Ранним снегом усыпало землю,
Молчаливо она отдыхала,
Вечернею лаской дыша.
И была она вся так прекрасна,
Невинна, чиста и печальна,
Как твоя молодая душа.

Розы зимой.

Этот куст душистых роз,
Темных роз, пунцовых роз,
Дышит жизнью, пахнет летом,
Блещет солнцем, блещет светом,
Полон тайной нежных грез.
Пусть свинцовой пеленой
Затянуло свет дневной,
Пусть летают хлопья снега –
В этих розах жизнь и нега,
В этих розах летний зной.
Зимним утром на окне
Тихо шепчутся оне,
Вспоминая, обещая
Сон любви и грезы мая
В ароматной тишине.

IX. Март.

Капель.

Падают слезы капли:
Рвутся хрустальные четки.
Ветви в садах почернели,
Стали прозрачны и четки.

В светлой весенней капели
В солнечной свежести талой,
В звонких струях хрусталя,
Словно в священной купели
Вымыла лик свой усталый,
Лик свой печальный – земля.

Взоры весны засинели,
Нежно, таинственно кротки...
Падают слезы капли:
Рвутся прозрачные четки.

X. Апрель.

Растет трава.

Растет трава: я слышу в тишине
Ее ростков зеленых прозябанье...
Прильну к земле – и кажется, что мне
Чуть ощутимо почвы колебанье.
Кто заклинаний произнес слова? ...
Кто вызвал к жизни силу и откуда? ...
Но все живет, все ожидает чуда:

Растет трава!
Прозрачный воздух полон ласки чистой,
Благословляет неба синева...
Звон певчих птиц и гомон серебристый...

Растет трава!
Я здесь одна... Одна брожу, внимая
Таинственной работе колдовства
Я слушаю, как под перстами Мая

Растет трава!
О, верю я! Моей ты хочешь ласки,
Твоя любовь – прекрасна и жива.
Она растет, как в дни весенней сказки
Растет трава!

Над морем.
На высокий наш берег я пришла одиноко,
Я смотрела на море со своей высоты.
Море было так близко, - море было далеко...
И далеко, и близко – как ты.
Я смотрела на море, голубевшее нежно,
На скользившие мимо, точно мысли, ладьи...
Море было так чисто, море было безбрежно,
Как глаза дорогие твои.
Тихо плакало сердце, молчаливо, безгласно,
В одиночестве сладком вылить слезы спеша...
Море было печально, море было прекрасно,
Как познавшая тайну душа.

Памяти М. В. Крестовской.
I.
Здесь в саду, в прелестный час закатный
Мы бродили об руку с тобой.
Посреди сирени ароматной,
Лиловатой, белой, голубой.
Нарвала ты пышноцветный ворох...
Помню все: движенья тонких рук
И одежды белой легкий шорох,
И шагов воздушных легкий стук.
Ты спешила пышными кистями
Все убрать, украсить все кругом,
И, как сердце, сладкими мечтами,
Ароматом был напоен дом.

**

*

Расцвели опять твои сирени;
Что ж нейдешь? Смотри, тебя я жду.
Приходи, подобно легкой тени,
Об руку со мной бродить в саду?

**

*

Но давно за горные пределы
В лучший мир от нас исчезла ты.

На земле остался крест твой белый
И твои любимые цветы.

II.

Как мать умершая к сыновней колыбели
Все тайно, говорят, приходит по ночам.
Так мне все кажется, что ты приходишь к нам,
Что, вот твои шаги сейчас прошелестели.
Могла ль ты навсегда покинуть те места,
Где счастье знала ты, где горячо любила?
Ужели от тебя осталась лишь могила
Под сенью белою смиренного креста?
И в ночи светлые, с надеждою несмелой
Я часто прихожу к могильному холму;
Одна, в молчании, смотрю я в полутьму,
Я жду твоих шагов – твоей одежды белой...
Не верю, - не могу! Пусть чашу бытия
Устами жадными ты быстро осушила;
Над морем голубым – одна твоя могила,
А всюду, здесь, везде, во всем – душа твоя!

III.

В час лунных чар, когда мечтам дано
Забыть тоску земной печальной были, -
Кто мне кивнул таинственно в окно –
Скажи... не ты ли?
Когда цветы под вздохом ветерка
Вдруг лепестки на землю уронили –
Чья сорвала их нежная рука?
Незримый, кто коснулся их слегка –
Скажи – не ты ли?
Когда в саду становится светлей,
И все деревья в серебре застыли –
Кто промелькнул в густой листве аллей –
Скажи – не ты ли?
И если с неба в ясной тишине
Лазурный луч мне звезды подарили –
Там, в недоступной Божьей вышине
Кто с сладкой грустью улыбнулся мне –
Скажи, не ты ли?

(Маріоки)

Т. Л. Щепкина-Куперник. «Облака». Сборник стихов. СПб, 1912.